

Айзава и Изуку стояли друг напротив друга в одном из небольших спортивных залов, в котором было немногим больше, чем мягкие полы и боксерские груши. Изуку нервно провел рукой по рукояткам новых крючковых клинков, сделанных Хацумэ. Они были больше похожи на дубинки, чем на лезвия, затупленные с обеих сторон, но

когда он удерживал кнопку на рукоятке, острые края выскакивали сбоку, с которой крючки закручивались.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — спросил Айзава. «Я согласен, что рационально научиться драться без своей причуды, но ты все еще приспособливаешься».

— Я чувствую себя лучше, — сказал Изуку. «Я хочу попробовать».

«Мы начнем медленно. Никаких захватов, никаких мечей, только рукопашную. Не хочешь ли ты сначала пробежаться по некоторым упражнениям?»

Изуку нанес несколько ударов руками и блоками в воздух. «Я до сих пор помню их всех. Поскольку я физически прошел все тренировки, нет причин, по которым я не мог бы драться. Моя причуда показывает мне, что делать, но я должен быть физически способен это сделать, поэтому мне пришлось пройти все эти тренировки в первый год».

— Мидория, ты болтаешь, — вмешался Айзава.

— Ох. С-извините.

Айзава размеренно посмотрел на него и спросил: «Ты уверен, что спортивный праздник состоится в этом году?»

«Я не знаю, почему бы и нет. Если бы они не произошли, то я мог бы послать себе воспоминание, объясняющее, почему этого не произошло».

«И вы полностью намерены занять первое место на фестивале, чтобы сохранить притворство и оправдать стажировку под All Might, верно?»

— На самом деле, не знаю. Айзава бросил на него взгляд, и Изуку вздрогнул от гнева. «Если бы это было действительно важно, то я бы запомнил это, поэтому я

думаю, что это означает, что это не имеет значения. Если я плохо справлюсь, то смогу просто работать в агентстве Nighteye, верно? На самом деле я не знаю, на

какую стажировку я собираюсь пойти, и может быть причина, по которой я не должен знать. Может быть, из-за того, что я плохо справляюсь, люди с меньшей

вероятностью поймут, что у меня есть причуда в долгосрочной перспективе?»

Когда Изуку углубился в свое объяснение, Айзава вытащил свой шарф. Изуку увидел, как шарф летит на него, и с визгом подпрыгнул в воздух.

Изуку споткнулся, приземлившись на ноги. — Ч-для чего это было, Айзава-сэнсэй?

«Ты болтал, и я хотел посмотреть, как ты отреагируешь. Вы немного медлили, но все же увернулись. Многообещающе». Айзава поднял руки в боевую стойку и

сказал: «Посмотрим, как ты справишься в атаке. Попробуй нанести удар».

Изуку осторожно продвигался вперед. Несмотря на то, что учитель, казалось, ждал его, всегда был шанс, что отсутствие агрессии у учителя было еще одной

логической уловкой. Как только он оказался в пределах досягаемости, Изуку нанес удар. Айзава легко отразил его и щелкнул локтем в сторону лица Изуку. Изуку

замер, когда острый локтя Айзавы остановилось в дюйме от его носа.

— Все еще со мной, Мидория?

Изуку встряхнулся и отступил назад. «Со мной все в порядке. Просто нужно привыкнуть к этому».

Когда Изуку нанес свой следующий удар, он отвернулся от того места, где должен был прийти локоть, только чтобы обнаружить, что кулак Айзавы прижат к его животу.

«Я не собираюсь каждый раз использовать один и тот же счетчик. Предугадывайте мои движения, если можете, а если не можете, реагируйте на них. Ваши рефлексы

достаточно острые, если вы можете найти способ их использовать».

Изуку снова продвинулся вперед, на этот раз наблюдая за Айзавой в поисках намека на его следующий шаг. Когда Изуку нанес удар, Айзава бросился вперед вокруг

его руки, зацепил ногу за лодыжку Изуку и надавил ладонью на ключицу Изуку. Изуку шатался на каблуках, слегка отталкиваясь от падения на землю.

Айзава отступил и сказал: «Опять».

Удар за ударом Изуку обнаружил, что не может предвидеть следующую атаку Айзавы. Однако в течение получаса Изуку заметил, что Айзава замедляет свои удары,

делая его контратаки более обдуманными. Одним ударом он заблокировал контратаку Айзавы. Когда Айзава был выведен из равновесия, но наблюдал за его

следующим шагом, Изуку обсуждал, что он может сделать дальше. Он мог поднять колено вверх, но это могло вывести его из равновесия. Апперкот оставлял его

открытым сбоку. Он мог бы попытаться толкнуть его вниз и прижать, но если бы Айзава выскользнул из его хватки, это мог бы быть так же легко Изуку прижат к

земле. Или, может быть...

— Ты опять болтаешь.

Изуку моргнул. У Айзавы был кулак, зависший у храма Изуку.

— Извини, Айдзава-сэнсэй. Я отвлекся».

Айзава жестом указал на скамейку в стороне. Внезапно осознав, что пот стекает по его лбу, Изуку почувствовал благодарность за возможность сесть и вытереться

полотенцем.

Одним нажатием кнопки торговый автомат выплюнул в руки Айзавы два пакета с ледяным соком. Он передал один из них Изуку и спросил: «Чем отличается твой мыслительный процесс, когда твоя причуда активна? Вы все еще думаете о том, что вы делаете в этот момент, или ваши мысли блуждают?»

Изуку открыл мешочек. Терпкий фруктовый вкус ананаса и вязкая кашица мякоти казались языку Изуку странными. Каким-то образом это было воодушевляюще

получить совершенно новый опыт, которого он никогда не мог ожидать.

«Я не знаю, как это описать. Я все еще думаю, но это все мысли, которые я должен думать в этот момент. Затем, за этими мыслями, я думаю о других вещах, например, о том, какое искусство я собираюсь нарисовать в этот вечер, или какие герои будут вести ток-шоу в этот вечер, и тому подобное».

— Как твои мысли сейчас?

«Рассеянный». Изуку выжал последний сок и выбросил пустую коробку в мусорное ведро. «Такое чувство, что в тот момент, когда я отвлекаюсь, мои мысли

блуждают. Я знаю, что должен думать о бою, но я начал думать обо всех различных способах, которыми я мог бы продолжить этот блок, и, прежде чем я это осознал,

вы снова встали на ноги. Я полагаю, что это было бы побочным эффектом того, что моя Причуда передала бы мое психическое состояние, без моей Причуды, которая

направляла бы мои мысли, они блуждают. Думаю, это объяснило бы все бормотание, которое я делал в последнее время. Я должен найти способ это исправить».

— Между прочим, ты опять болтаешь, — сказал Айзава с оттенком сухого веселья.

Изуку застонал и вскочил на ноги. «Можем ли мы попробовать еще раз? Думаю, у меня есть идея».

Изуку потребовалось еще две попытки, чтобы успешно увернуться от контратаки Айзавы. В то время как Айзава был неуравновешен, вытянув руку мимо головы Изуку

после правого кросса, Изуку попробовал первую атаку, которую смог придумать, апперкот в живот Айзавы. Айзава отвернулся в сторону и постучал локтем по

голове Изуку.

— Лучше, — сказал Айзава. — Опять.

Попытки Изуку проявить спонтанность привели к неоднозначным результатам. Некоторые попытки позволяли ему следить за своими атаками, в то время как в других

случаях его мысли спотыкались сами по себе. Ближе к концу у него сформировалась привычка отступать, когда его мысли запутались, что привело к тому, что он в панике отступил перед шквалом ударов. Когда Изуку споткнулся о скамейку, Айзава схватил Изуку за воротник и поднял его.

«Вы не можете позволить себе уступить в такой борьбе», — сказал Айзава. «Особенно, когда вы не обращаете внимания на то, что вас окружает».

— Извини, Айзава-сэнсэй. Изуку поднялся на ноги и поправил воротник. «Трудно так думать на лету».

«У тебя все лучше, чем я ожидал».

Изуку ускользнул. — Ты ведь не ожидал, что я сделаю многое, не так ли?

«Вы провели десять лет с этой причудой, которая делала все за вас. Ваше тело все еще знает, что делать, но ваш разум не привык принимать поспешные решения.

«Итак, я должен попытаться отключить свой разум и позволить своему телу делать всю работу?»

«Рефлексы только заведут вас далеко. В реальном кризисе вам нужно осознавать свое окружение и принимать сознательные решения, основанные на том, что происходит вокруг вас».

«Как я смогу все это сделать?»

«Я оставлю записку для гончей собаки. Должны быть упражнения, которые вы можете делать, чтобы улучшить свою концентрацию». Айзава достал свой телефон и

внес несколько изменений в административное приложение U.A. «Кроме того, я не смогу лично тренировать вас в этом году, так как мне нужно взять на себя работу Незу. У меня была программа, добавленная к обучающим ботам, чтобы вы могли практиковаться. Ваше удостоверение личности настроено таким образом, что программа автоматически загружается, когда вы заходите в тренажерный зал в нерабочее время».

— Ох. Хм, спасибо, Айзава-сэнсэй.

Когда Изуку вышел из спортзала, он растянул мышцы, вздрагивая каждый раз, когда чувствовал нежное место. Айзава посмотрел на него и спросил: «Тебе нужно

увидеть девушку-выздоравливающую?»

«Нет, я так не думаю. Просто чувствует скованность. На самом деле я не привык чувствовать себя так. Я имею в виду, что моя причуда заставила меня почувствовать это заранее, но на самом деле это было не так уж много по сравнению с остальными вещами, и теперь, когда я испытываю такую болезненность сама

по себе, она кажется более интенсивной, чем обычно».

«Бессвязный».

Изуку остановился на полшага и откусил проклятие. «Мне действительно нужно это прекратить».

— Я расскажу об этом и Гончей Собаке, хотя у меня такое чувство, что он уже знает.

Физически и морально истощенный, Изуку запер за собой дверь и рухнул на кровать. Его комната в общежитии была лишена украшений Всемогущего, так как он не

видел смысла рисковать плакатами и статуэтками стоимостью более миллиона иен, но многие из его менее ценных товаров украшали стены и полки.

Его письменный стол был широким и в значительной степени голым, хотя в ящиках у него было множество карандашей, красок и бумаги. Его старые дневники героя

были заперты в левом нижнем ящике, а новый был спрятан рядом с его кроватью вместе с журналом под названием «Самоанализ».

Изуку открыл Self Analysis. Перед ним разворачивались чистые страницы, все еще несущие запах новой бумаги. Положив перо на бумагу, Изуку продумал все, что он мог придумать, что сделало его счастливым. После нескольких строк он застрял, думая о более противоречивых формах счастья. Он не знал, считается ли это

счастьем, если он также чувствует себя виноватым или смущенным одновременно. После некоторых размышлений он добавил больше очков и добавил дополнительные эмоции, которые пришли с этими событиями.

Закончив с записью, Изуку откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Он не чувствовал усталости, но его домашнее задание уже было сделано, и ему

больше нечего было делать. На этот раз в жизни у Изуку Мидории было свободное время, и у него не было причуды, чтобы сказать ему, как его потратить.

Столкнувшись с новым опытом, Изуку болтал про себя обо всех возможных вещах, которые он мог бы сделать. Он знал, что должен позвонить своей маме, но он все

еще не чувствовал себя готовым поговорить с ней, даже когда он все еще скрывал от нее свою причуду. Искушение рассказать ей обо всем возникло, но так же

быстро исчезло под тревогой, которая возникала каждый раз, когда он думал о том, чтобы рассказать кому-нибудь о своей причуде. Он также мог заглянуть на форумы героев и узнать последние сплетни, но, учитывая, что одно из их заданий по изучению героев заставляло его рыскать по форумам в поисках мнений о Best

Jeanist, Изуку не чувствовал соблазна вернуться.

Когда его глаза нашли его стол, Изуку понял, что он хочет попробовать. Он не рисовал месяцами, не из-за того, что весенняя стажировка отнимала у него так много

времени, а беспокойство по поводу летнего отдыха разъедало его. Он поставил планшет на стол и держал в руке стилус.

Он нарисовал несколько линий, прежде чем точно понял, какую сцену он имел в виду. Яоорозу, изможденный, измученный, опирается на героя-стажера. Он сделал паузу, вбирая в себя грубое начало переноса своего видения будущего на экран. Его желудок вздрогнул при виде того, что выдержит Яоорозу. Вздрогнув, Изуку

удалил изображение и начал все сначала.

Шли минуты. Изуку уставился на пустой экран, обдумывая все, что он мог нарисовать. Когда прошло полчаса, а ни один пиксель не был раскрашен, Изуку хмуро посмотрел на часы своего планшета и наугад выбрал героя из своего ассортимента. Его палец указал на расписание

радиопередач Present Mic, висевшее у его

кровати.

У него был свой герой. Теперь ему нужно было придумать, что он собирается нарисовать. Полный геройский костюм или гражданский в штатском, тихий и

созерцательный или громкий и общительный, выбор переваливался один на другой. Обескураженный огромным количеством вариантов, Изуку проверил свои

комиссии, надеясь найти идею, только чтобы понять, что он закрыл свои комиссии несколько месяцев назад. Его почтовый ящик заполнили сообщения, в том числе довольно много запросов, но большинство из них были просьбами о непристойностях, к которым он не хотел прикасаться.

Один попросил Миднайт в костюме горничной. Настоящий Мик в костюме горничной казался достаточно забавной идеей, чтобы бежать с ней. При этой мысли перед ним раскрылся образ горничной кафе. Он сразу перешел к работе над фоном. Даже без его Причуды его руки двигались с собственной волей, образуя стены и полы с

прямыми линиями и изгибаясь для круглых столов. После того, как линейный рисунок был готов, он заполнил фоновые цвета несколькими нажатиями, остановившись на ярких пастельных тонах для стен и мебели, а также на светло-коричневом деревянном полу. С несколькими мазками темно-коричневых и жесткими черными

линиями, разделяющими панели, пол выглядел так, как будто он был вырезан из настоящего дерева.

За столом, доминирующим в кадре, он размыл фон, сохранив его, чтобы его можно было заполнить позже, и нарисовал линейный рисунок для Хизаши. Сначала были

дикие, колючие волосы, затем его длинное и угловатое лицо, затем долговязая грудь и руки и, наконец, ноги. Хизаши перегнулся через стол и поставил чашку кофе

с широкой ухмылкой на лице, как будто пытался удержаться от смеха. Заполнив линии, Изуку добавил вкрапления желтого для волос, бледно-кремового для кожи и

черно-белого для костюма горничной с оборками. Одним касанием фон снова заполнился позади Хизаши.

На другом конце стола он решил, что Айзава сядет. Сначала он невесело нахмурился, глядя на Хизаши раздраженным взглядом. Его волосы рассыпались вокруг него,

частично скрывая его лицо, а шарф скрывал большую часть его черт, оставляя достаточно места, чтобы сделать глоток. Одна рука была спрятана на боку, а другая потянулась к предложенной чашке. Черный и серебристый заполнили большинство его линий, с примесью красного для его глаз.

Пространство между ними казалось немного пустым, и эта единственная просьба заставила его задуматься о Полночь. Вычеркнув мертвое пространство, он

нарисовал трафарет в самодовольных чертах лица Миднайт. Ее поза пренебрегала нарядом, хотя Изуку оставил ее гораздо менее откровенной, чем хотелось бы его

покровителям. Одной рукой она держала торт на тарелке, а другой поднесла вилку ко рту, зубцы едва касались ее губ, а кусочек шоколада пачкал ее подбородок.

Во время работы Изуку впал в состояние, похожее на дзен, паря в состоянии счастья, когда он увидел, как образ в его голове разворачивается под его рукой. Каждый росчерк пера, каждый всплеск цвета, сопровождаемый нажатием, казались доказательством того, что он чего-то стоит без своей причуды. Может быть, он не

умел хорошо драться или разговаривать с людьми, но, по крайней мере, у него была одна вещь, которую он мог делать правильно.

Закончив линейную графику и добавив цвета, Изуку приступил к работе над затенением. В программном обеспечении была функция автоматического затенения,

которая довольно хорошо работала на человеческом цвете лица и простых объектах, но Изуку дал все еще раз, сглаживая более грубые края и настраивая цвета, пока они не соответствовали его мысленному образу.

Изуку выпустил стилус из руки, откинулся на спинку кресла и осмотрел свою работу. Он чувствовал себя взволнованным, упиваясь тем фактом, что сделал что-то

правильно без своей Причуды. Однако, присмотревшись, он заметил несколько неуместных строк. Некоторые половицы были кривыми, стул, на котором сидела Айзава, наклонился под тонким углом, а оборки на платье Нэмури казались слишком жесткими для ткани. Разочарование нарастало до тех пор, пока слезы не

угрожали пролиться из него. Это нужно было исправить. Он не мог позволить себе потерпеть неудачу сейчас, а не тогда, когда он зашел так далеко.

Изуку уставился на пользовательский интерфейс программного обеспечения, совершенно не зная, как исправить свои ошибки. Сначала он попробовал ластик и

съежился, когда вся полоса лица Миднайт исчезла от одного прикосновения. Он перерисовал его после того, как поправил оборки, но вилка была кривой, а мазок

торта был не совсем того шоколадного цвета. Второе нажатие ластика оставило Нэмури с кривым носом и бугристым подбородком.

Отказавшись на время от Полуночи, Изуку попытался починить пол. Нога Хизаши попала под перекрестный огонь, выглядя слишком громоздкой после того, как Изуку перерисовал ее. Вторая трещина сделала подол юбки Хизаши слишком плоским. Исправление за исправлением подкрадывалось к груди Хизаши, пока его улыбка не

стала кривой, а солнцезащитные очки были круглыми, а не заостренными.

После нескольких часов кропотливых попыток исправить свои ошибки, Изуку получил образ хуже почти во всех отношениях, чем он начал. Он выронил ручку и

провел руками по волосам, расстроенный своей внезапной неспособностью нарисовать прямую линию. Он дергал себя за волосы до тех пор, пока приступы боли не жалили кожу головы, и скрипел зубами, пока не услышал, как плачет его дантист.

Примерно в то же время он заметил кнопку отмены, функцию, которую он не использовал с тех

пор, как появилась его причуда. Нажатие за нажатием Изуку стирал

свои неудачные исправления, пока не остался несовершенный оригинал. Его тело практически растаяло в кресле, когда напряжение вытекло из него.

Воодушевленный подстраховкой, Изуку снова попытался поправить половицы. После некоторой настройки он придумал, как сделать ластик меньше. Еще больше

возни привело его к умопомрачительному открытию, что планшет может рисовать для него идеально прямые линии с помощью касания и некоторого покачивания. Потребовалось еще несколько попыток, но как только он снова добавил цвета, половицы, наконец, выглядели прямыми. Стул и оборки потребовали немного больше работы, но после некоторых проб и ошибок Изуку наконец-то получил результат, которым он мог быть доволен.

Когда Изуку упивался своим достижением, он не заметил, что его экран потускнел, и не вспомнил предупреждающее сообщение о батарее, на которое он рассеянно нажал, когда поправлял наряд Немури. Как раз в тот момент, когда Изуку собирался спасти свою работу, экран погас.

Испугавшись, Изуку попытался снова включить планшет. Ничто. Он посмотрел на его сторону и обнаружил, что зарядное устройство выскользнуло во время его работы. Страх отягощал его, как бетонные ботинки, когда Изуку понял, что никогда не спасал свою работу. Дрожащими пальцами он пошарил в зарядном устройстве и нажал кнопку питания, пока его планшет не ожил. Изуку затаил дыхание. Его грудь сжималась, а глаза горели слезами, едва сдерживаемыми слабой надеждой на

то, что его искусство, несмотря ни на что, все еще там.

Планшет загрузился. Пальцы Изуку соскользнули дважды, прежде чем он попал в нужное приложение. Он открылся, и Изуку встретил пустая страница.

Изуку ударился головой о стол. Слезы текли свободно, когда его грудь тряслась от рыданий. Наконец-то он сделал что-то правильно, все самостоятельно, почти так же хорошо, как он мог сделать это со своей Причудой, и это исчезло. Мысль о том, чтобы начать все сначала, пришла ему в голову, но мысль о том, чтобы сделать произведение искусства заново, была столь же душераздирающей, как и оставить его потерянными навсегда. Даже если бы он попробовал это снова, это никогда не

было бы прежним.

Как только слезы прекратились, Изуку устало поднял голову и протянул руку, чтобы закрыть приложение. Незадолго до того, как его палец коснулся маленького

крестика, он заметил подсказку в левой части экрана. Временный файл изображения завис над блоком текста с вопросом, хочет ли он восстановить файл, над

которым он только что работал. Сердце Изуку подскочило к горлу, когда он открыл файл.

Горничная кафе вернулась, полностью окрашенная и затененная. Глаза Изуку блуждали по фигуре, следя за тем, чтобы ни один пиксель не был неуместным. Все было

так же, как он его оставил.

Изуку подумал, что он расплакался, но пришло еще больше. Он прижал планшет к груди, наслаждаясь нежным теплом перегруженной работой машины на рубашке,

когда волна невообразимого блаженства пронеслась по нему. Сердце колотилось, грудь болела, Изуку чувствовал себя более живым в тот момент, чем он когда-либо мог вспомнить.

Внезапный страх снова потерять свою работу заставил Изуку вскочить и чуть не выронить планшет. После того, как он сохранил файл как на планшете, так и в

облаке, Изуку вздохнул с облегчением и держал фотографию перед собой. Он подумал о том, чтобы опубликовать его. Прошло несколько месяцев с момента его последнего поста, и несколько преданных фанатов умоляли его сделать что-то новое. Тем не менее, это произведение было первым, что он сделал, а не его причуда. Он чувствовал себя слишком ценным, чтобы бросать его волкам в социальных сетях.

Когда Изуку снова выключил планшет, он прищурился в полумраке своей комнаты. Он подошел к жалюзи и выглянул наружу. Лишь намек на свет нарушал ночную

тьму, нависшую над восточным горизонтом. Изуку покачал головой, ругая себя за то, что потерял счет времени и работал до захода солнца.

Толчок беспокойства пронзил Изуку. Он посмотрел еще раз. Свет шел не с того направления, и он выглядел слишком желтым для заката. Его желудок тонул, как

подводная лодка, и Изуку пошарил в поисках телефона. Сначала ему пришлось прищуриться, когда свет почти ослепил его, но в конце концов он смог прочитать

время, 5:56 утра.

Изуку недоверчиво смотрел на него. Конечно, он потратил много времени на эту работу, но мне показалось, что это всего несколько часов. Именно столько времени

это обычно занимало. Мысли о том, как его Причуда ускоряет события и управляет его временем, дрейфовали в его голове, как огромные дирижабли, играющие в

бамперные машинки, врезающиеся друг в друга и вообще никуда не ведущие. Он вырвался из задумчивости, когда телефон в его руке сильно завибрировал и громко

заиграл тему Всемогущего. Время, 6:00 утра, ярко вспыхнуло у Изуку, когда он прикрыл глаза.

Изуку уставился на свой телефон, когда он отключился. Он попытался собрать воедино то, что означал этот звон. Потом его осенило. Это был его будильник, чтобы

встать в школу. Со стоном, достаточно громким, чтобы разбудить остальную часть здания общежития, Изуку выключил будильник и поплелся в душ.

Изуку не нуждался в своей причуде, чтобы знать, что у него будет очень долгий день.